

ЮБИЛЕЙ

Компромисс — не для него. Во времена махрового застоя он разоблачает комсомольских аппаратчиков и пишет о беспределе, царящем в Советской Армии. В начале 90-х зло иронизирует над "священными коровами" победившей демократии. Сейчас бьет наотмашь по новым хозяевам жизни в лице российских буржуа. Быть в оппозиции, считает Поляков, естественное для писателя состояние. Ему не угодили. Соткан из противоречий. Неоднозначен. Тем и интересен. "ЧП районного масштаба", "Сто дней до приказа", "Апофегей", "Козленок в молоке", "Замыслил я побег..." — каждая новая книга Юрия Полякова неизменно становится бестселлером. Сегодня одному из самых громких российских писателей, главному редактору "Литературной газеты" Юрию Полякову исполняется 50. Самое время успокоиться? Как бы не так.

— Юрий Михайлович, у нас, как известно, любят навешивать ярлыки. Про вас, например, говорят — вечный бунтарь. Станете открещиваться?

— Абсолютно не согласен. На самом деле я совсем неконфликтный человек. Всегда старался жить по принципу: худой мир лучше доброй ссоры. Просто так сложилось, что мои книги в разное время вызвали определенный резонанс, только и всего.

— Книжки, скажем так, скандального характера. Всегда закладываете в произведение бомбу?

— Я всегда стараюсь разрушить миф, который создается вокруг какого-либо явления. Будь то советский миф или демократический — безразлично. Задача писателя, писателя-реалиста, как мне кажется, — дать адекватную картину того мира, в котором он живет.

— Разве можно разрушать, не вступая в конфликт?

— Так я же говорю, что человек неконфликтный.

— А писатель?
— Писатель?.. И как писатель никогда не ставил перед собой такой задачи. Когда написал свою первую повесть — "ЧП районного масштаба", — я честно понес ее в советские журналы, отказался передавать на Запад...

— Вы что, всерьез полагали, что такое могут напечатать?

— У меня принцип такой: сначала надо написать максимально художественный текст, максимально соответствующий моему видению, а потом уже разбираться что к чему. Честно могу сказать: когда пишу, о судьбе книги не думаю. Как только начинаешь об этом размышлять, тут же попадаешь в силовые поля существующей идеологии, человеческих отношений: кто что подумает, кто что скажет, кому понравится, кому нет. Вот это все отсекается на корню.

— А последствия? Неужели не догадывались, какой может быть эффект?

— Конечно, понимал. Комсомольские собрания проводились, специально посвященные "ЧП", — наверное, первые в таком роде со времен "Как закалялась сталь" Островского. "Сто дней до приказа" запрещались в воинских частях. И до сих пор, честно говоря, эту книгу там особо не жалуют... Но дело в другом. Меня, например, жутко раздражает это нынешнее утверждение о том, что литература — дело глубоко частное и что нефига вообще думать о ее социальном значении. Это знаете как называется? Облегчение себе задачи. Ну, друзья, если вам бог не дал способности, так сказать, "глаголом жечь сердца людей"... Но не надо же обобщать.

— А вы верите в особое предназначение писателя?

— Не только верю, на своей писательской биографии убедился в том, что литературное произведение, в котором есть социальная боль, какая-то нравственная задача, может повлиять на людей.

— Что конкретно ставите себе в заслугу?

— Сложно сказать. Я же писал в расчете на то, что обнародование скрытых тем, скажем, дедовщины или вырождения аппаратчиков, поможет совершенствованию той общественной модели, которая существовала. Чего там говорить, по внутреннему складу я был советским человеком. Недаром Михалков в одном из своих интервью назвал меня последним советским писателем.

— Прочитав "ЧП" и "Сто дней", сложно поверить в то, что вы были верным ленинцем.

— Не нужно то поколение оглуплять. И тогда многие понимали, что какие-то крайности уже свое отжили. Комсомол, между прочим, к моменту своего крушения был самой аполитичной организацией. Посмотрите: сейчас все политики, деятели культуры, банкиры — все же вышли из комсомола. Но мы были уверены, что не нужно систему взламывать, что можно все изменить

Юрий Поляков и Роберт Рождественский.

ЧП РОССИЙСКОГО МАСШТАБА

Сто дней до приказа.

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ:
"Я всегда разрушал мифы"

ЛИТЕРАТУРНАЯ

При Полякове Горький снова стал символом "Литературы".

путем трансформации. И мы оказались правы: когда систему взломали, страна рухнула.

— За что же вы так не любите демократов?

— Я их не люблю только потому, что, по моим наблюдениям, в течение нескольких дней демократами стали самые правоверные коммунисты и комсомольцы. Вот мы, кто сомневался, кто критиковал советский режим, мы потом и стали его защищать.

— А это не ревность в вас говорит?

— Какая ревность? Вот если бы я оказался писателем, которого не издают, который бедствует... Как некоторые представляют, что у меня, дескать, какие-то материальные претензии. Так нет, я вполне успешный писатель, зарабатываю сейчас гораздо больше, чем при советской власти. В новое время вписался абсолютно. У меня претензии к демократам чисто человеческого плана. Когда в течение одной ночи человек проникается идеями победителя, это говорит только о его непорядочности.

— А не думали, что и про вас могут такое сказать? Только со знаком минус.

— Один знакомый даже спросил меня: "Слушай, а как ты все это просчитываешь: когда надо про комсомол, когда про армию, когда про демократов?"

— Вот-вот. Со стороны это может показаться какой-то очень хитрой конъюнктурой.

показывать, ссылаясь на то, что это клевета на демократию и либеральные идеи. И только сейчас, к моему юбилею, на ТВЦ дали "добро". Или написал пьесу для Театра сатиры. Понравилось, определили состав. Так что вы думаете — они там между собой все переругались. По идейным соображениям. Потому что у меня в пьесе есть злейшая сатира и на так называемую совесть русской интеллигенции, и на коммунистов. Дошло до того, что худрук был вынужден полностью поменять и состав, и режиссера. Когда всем рассказываю, слышу: "Да не может быть. Актерам все равно что играть". Говорю: "Я и сам так раньше думал". Спрашиваю одного: "Что вас задевает? Вы же в постмодернистских пьесах играете. Где чуть ли не испражниются на сцене, матерятся. Это вас не смущает?" — "А-а, — говорит, — в постмодернистских пьесах — это как бы понарошку, а у вас-то все по-настоящему..." Я все время стараюсь выразить свое внутреннее ощущение происходящих событий. И все время сталкиваюсь с непониманием. Коллег, власти, прессы, критики... Единственный, кто меня всегда понимал, — это читатель. Вот что поразительно.

— Сейчас ваше время?

— В принципе да. У меня сейчас примерно те же ощущения, что и в период советской власти. Когда мне казалось, что можно что-то улучшить, усовершенствовать. То есть направление в принципе выбрано правильное. Традиционное, кстати, для России. То, которое истории XIX века называли периодом самоусиления... Но я бы не хотел, чтобы наш разговор сводился к политике.

— Просто было бы интересно узнать: что вам нравится в этом времени, а что нет?

— То, что идет ужесточение властной вертикали, — это, считаю, абсолютно правильно. Ни одна страна за всю историю человечества еще не выходила из системного кризиса без ужесточения власти. Ну не было такого. Что мне не нравится? Мне кажется, власть недостаточно способствует тому, чтобы добиться реальной свободы слова. На мой взгляд, альтернативные либеральным точки зрения, скажем на телевидении, представлены недостаточно. У нас ведь людей либерально мыслящих сейчас примерно столько же, сколько в свое время было большевиков.

— Секундочку, ведь многих либерально

мастерству на порядок выше названных вами.

— То есть те — однодневки?

— Нет, ну почему же. Пелевин, например, несколько лет на слуху. Уже не однодневка. Сорокин... Это все-таки ближе к литературному хулиганству, а не к самой литературе. Несерьезно как-то.

— А женская новомодная литература? Смотрите на нее сверху вниз?

— Нет, если это хороший писатель, как Виктория Токарева, — то с уважением. А если развлекательная литература: детективы, женские романы, которые зачастую вообще пишутся группой товарищей...

— Вы про Донцову с Марининой?

— Не будем сейчас уточнять, свечку я не держал. Но я же не первый год занимаюсь литературой, всегда могу по строению фразы определить, кто это написал... Но что об этом спорить? Те имена, о которых мы сейчас говорим, это даже не литература. Это книжная продукция. Которая была во все времена и которая служит совсем иным целям. По своей типологии и морфологии она ближе к кроссворду. Ведь кроссворд мы не считаем литературным жанром.

— Самы авторы, наверное, кроссвордистами себя не считают...

— Это их проблемы. Есть же определенные критерии художественной литературы: язык, степень эмоционального воздействия, оригинальность художественного мышления... Чисто развлекательная услуга. Я не против. Просто становится смешно, когда это начинают выдавать за серьезную литературу.

— Юрий Михайлович, ваши произведения, если не ошибаюсь, сейчас входят в школьную программу.

— "ЧП" точно входит, "Работа над ошибками"...

— Ощущаете себя классиком?

— Для начала нужно определить, что такое классик.

— Писатель на все времена, наверное...

— На все времена — не бывает. Вернее, бывает, но таких очень мало. На самом деле классичность текста определяется тем, может ли он пережить смену культурных эпох. Скажем, была советская литература. Она закончилась, и сотни имен вместе с ней исчезли. Кто остался, те пошли дальше. Сейчас заканчивается постсоветская эпоха — а мы явно входим в какой-то новый период нашей истории, — и вместе с ней отпадает перестроечная литература с ее зифорией: Рыбаков, Приставкин... Но что-то ведь останется. Если произведения пережили сначала советскую, потом постсоветскую эпоху — ага, значит, в них есть что-то вневременное.

— Сейчас про себя говорите?

— Нет, вообще. А если брать мои вещи, то, скажем, "Сто дней" до сих пор переиздаются, читаются, раскупаются. Так же, как и "Апофегей". Значит, одну эпоху я точно пережил. То есть встал на путь, который в конечном счете и ведет к этому званию — классик. Но одной эпохи недостаточно. Хотя бы две-три.

— По писательским меркам вы еще очень молоды. Всего 50 — что за возраст?

— Ну дай бог... То есть что я хотел сказать: классик — это не звание и не титул. Это просто констатация стойкости читательского интереса. Куприн, Бунин, Чехов... Сколько эпох уже прошло. А читаешь, как современную литературу... Вообще же у каждого писателя есть три варианта попадания в вечность. Первый, самый простой, — это попадание в историю литературного процесса. Например, были во времена Есенина "ничевки". Они ничего не делали, это была их принципиальная позиция. Интересно? Интересно. Если очень захотеть, в какой-то подробной энциклопедии можно найти имена этих людей.

— Так, второй путь?

— Второй — остаться в истории литературы. Это значит, текст этого автора сегодня уже не читаются, но в свое время они повлияли, даже вызвали волну эпигонов. Взять, к примеру, роман Гладкова "Цемент" или роман Артема Веселого "Россия, кровью умытая". Сейчас вряд ли кто-то станет их перечитывать, как, к примеру, Шолохова "Тихий Дон", но в свое время эти книги, конечно, становились событием.

— А третий?

— А третий — остаться в самой литературе. Вот это и есть классика. Когда рассказы, повести, романы, написанные в совершенно другую эпоху, воспринимаются как живая литература. Почему это происходит с одним произведением, а с другим не происходит — вот это загадка.

— Первые два этапа вами успешно пройдены. Как с третьим?

— Только время рассудит. Естественно, каждый писатель склонен преувеличивать свои заслуги. Но тот факт, что мои книги, написанные 20 лет назад, до сих пор читаются, даже молодежью, дает мне некоторую надежду на то, что они будут читаться и дальше. Но сказать на сто процентов... Нет, не могу.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

12